

МОИ УЧИТЕЛЯ-ФРОНТОВИКИ

МНЕ ПОВЕЗЛО И ПОСЧАСТИВИЛОСЬ УЧИТЬСЯ И ЗАКОНЧИТЬ В 1951 ГОДУ 10-й КЛАСС, ПОЛУЧИТЬ АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ В САМОЙ ЗНАМЕНИТОЙ ШКОЛЕ СССР – Первой МСШ им. Ленина города Ульяновска. МСШ означало: мужская средняя школа, то есть это была советская гимназия и мы учились отдельно от девочек. На скромном двухэтажном здании, в самом красном месте города висела беломраморная доска с вырезанной надписью: «Здесь учился Владимир Ильич Ленин. 1879–1887 гг.». А выше был в профиль силуэт его воспетой поэтом головы: «Он в черепе сотней губерний ворочал // Людей носил до миллиардов полтора, // Он взвешивал мир в течение ночи...»

Виктор Чумаков,
писатель

В годы его учёбы директором гимназии был Фёдор Михайлович Керенский, преподававший Володе Ульянову логику, по которой у него в аттестате была единственная четвёрка. Несколькими годами позже эту школу блестяще закончил сын Фёдора Михайловича Александр, которого Ленин сменил на посту правителя России в 1917 году.

Прямо напротив фасада школы через узкую дорожку, в Карамзинском садике, за откованной в XIX веке оградой, левым боком к мраморной доске с Лениным, в нише отполированного гранитного пьедестала с латунными горельефами (Карамзин читает Александру I «Историю государства Российского») располагался тонкой работы бронзовый бюст самого великого историка и писателя Николая Карамзина. А над ним на пьедестале величественная статуя музы славы Клио с медной трубой. Вспомним: славен, кто прошёл огонь, и воды, и медные трубы.

За школой, ближе к Волге, а лучше сказать к Новому Венцу, стоял первый в мире памятник Карлу Марксу, изваянный Сергеем Меркуровым ещё в 1918 году, а чуть дальше величественный монумент пролетарскому вождю. За его-то мемориальную парту меня и усадили выполнять письменные выпускные работы.

Буквально рядом со школой в саду дворца бывшего Дворянского собрания — там сейчас богатейшая библиотека — бюст уроженца Симбирска Ивана Гончарова. Улица его имени с домом, где он жил, — главная улица и истинное украшение губернского города.

Увы, продолжать о поэте Николае Языкове и других не имею права, ведь статья не только об этом.

Когда война закончилась, нам, мальчишкам, думалось, что её герои станут везде во главе нашего государства, как говорится, и в центре, и на местах. Но куда-то вскоре после Парада Победы подевался маршал Рокоссовский (он до 1949 года был заслан командовать Северной группой войск) и ничего не было слышно о народном кумире маршале Жукове. Оказалось, что в 1946—1953 годах он всего-навсего служил командующим войсками Одесского и Уральского округов. Министром обороны назначили вдруг никому не известного Булганина.

Фронтвики, ориентируясь на Сталина, который носил на скромном кителе лишь одну звёздочку Героя Социалистического Труда, перестали надевать ордена. За них, к разочарованию многих, отменили выплаты наградных денег. В почёте оставался лишь орден Красной Звезды. У кого он был, носили его, привинтив к лацкану пиджака.

День Победы, 9 мая помню как рабочий день довольно долго после войны. Его сделали праздничным нерабочим днём по инициативе писателя Сергея Сергеевича Смирнова лишь к 20-летию Победы в 1965 году. А впрочем, было не до праздников. Полстраны лежало в руинах. Я видел Днепропетровск и За-

порожье в 1949—1950 годах. Побывал там на Всесоюзных соревнованиях школьников. Вдоль улиц с отремонтированными дорогами длинные, высокие заборы. А за ними (мы жадно заглядывали в щели) нагромождения обрушенных стен, перекрытий того, что было жилищем. Нет-нет да и выглядывали из этого хаоса перекорёженные железные кровати или трубы с останками чугунных ванн и кухонных раковин. Холодок так и пробегал по спине. Здесь воевал артиллеристом наш учитель физкультуры **Михаил Николаевич Порозов**. Он был с нами в качестве тренера и представителя команды. Запомнился он мне как великолепный гимнаст: лихо на перекладине крутил «солнце» в обе стороны, но ещё сильнее впечатляло, что он мог на турнике, подтянувшись, сразу выйти в упор на обе руки — и так подряд три раза. Он был очень строг и суров, а то внезапно впадал в ярость. Становился страшен. Ему немедленно подчинялись. Почти половина ребят нашего класса были отличными спортсменами-разрядниками. Друзья мои — Саша Кузьмин и Толя Артёмов — быстро дошли до первого разряда в боксе, Изя Вайнштейн стал перворазрядником в стрельбе из малокалиберного пистолета системы Марголина. Были классные лыжники и легкоатлеты. Школа обычно выигрывала весеннюю и осеннюю эстафеты по улицам города. Заслуга в этом Михаила Николаевича была первостепенной. Он имел боевые награды, но никогда ни одну не надевал. И вообще разговоров о войне с нами избегал.

Странное было время. Никаких встреч с участниками войны для школьников не проводилось. В почёте были лишь лекторы обкома, а ещё лучше ЦК с их обзорными лекциями о международном положении, собиравшими огромные аудитории.

Довольствовались малым: радиоточка в каждом доме, газеты «Правда», «Известия», в лучшем случае журнал «Огонёк» с его библиотечкой. Репродукции картин великих художников из него вставляли в рамки и вешали на стены. Журналы «Работница» или «Крестьянка» с выкройками; многие шили сами. Редчайший случай, если у какого-нибудь счастливица был велосипед. На кухне чугуны, почти не было кастрюль, разбитая нечаянно тарелка или чашка воспринимались как тяжёлая драма — с отчитыванием и слезами. Было много домашних растений в кадочках с обручами и в глиняных горшках: фикусы, герань, фиалки, конечно, целебное алоэ, ёлочки. Держали кошек, чтоб ловили мышей, и птиц в клетках: канареек и щеглов. Собаки были редкостью. Занавесочки на окнах с рюшками, вышивками, отороченные кружевом часто собственного изготовления. Вышитые нитками мулине коврики на стенах с узорами, перенесёнными на полотно через папиросную чёрную копирку с выкроек из приложений к журналам «Работница» или «Крестьянка», домотканые дорожки и круглые коврики по деревянным, иногда некрашеным полам: их мыли часто и соскребали грязь косырём. Стены и потолки, белённые мелом с клеем: масляной краски хватало лишь на покраску низа стен на высоту метра-полутора, а поверх этой

панельки шла отбивка — красная или синяя полосочка; обои были роскошью. Шкафы или полки с книгами, рабочий стол с непременно чернильным прибором, парой перьевых ручек и пресс-папье с промокашкой. Стопки одинаковых голубеньких тетрадей с домашними работами. «Витринки» в тоненьких сосновых рамках с набором семейных и фронтовых фотографий под стеклом, от которых глаз было не оторвать. Портреты родителей и дедов висели обычно отдельно, увеличенные топорно с маленьких, а то и групповых снимков, нещадно отрезушенные фотографами-предпринимателями. Среди этого гитара на гвозде за ленточку да трофейный аккордеон на табуретке, покрытой ковриком из разноцветных лоскутков.

Как же скромно тогда одевались! Щемило сердце, когда на чистой и отутюженной одежде наших кумиров появлялись аккуратные заплаточки или на локтях кофточек учительниц тонко сработанные, почти незаметные заштопки. Больно было смотреть на их начищенные, но потрескавшиеся и часто с подбитыми подмётками и каблуками, «украшенные» латками ботинки и туфельки.

Мы запросто встречались с учителями в демократических условиях общих бань. Боже милостивый, каких только шрамов не увидел я на их телах! Ямы на бёдрах, рубцы на грудной клетке с несколькими удалёнными рёбрами, зажившие прострелы на руках. А безокие глазницы, с которых в бане сняты повязки?

Обычаем было потереть друг другу спины намыленной мочалкой — спутанным пучком жёстких волокон с ароматом липы, обдатых кипятком, и вылить потом на пунцовую тонкую кожу, еле прикрывающую кости позвоночника и рёбра, оцинкованный тазик предельно горячей воды. Эта банная демократия тогда ни в какое панибратство не перетекала, и в понедельник учитель был строг и чётко от нас дистанцирован.

Николай Алексеевич Пшеничников — георгиевский кавалер (это скрывалось) и до 1918 года штабс-капитан, а затем командир Красной Армии. Война для него (он был подполковником) закончилась после отступления, когда он чудом избежал окружения и плена, а потом и после Сталинграда, где был контужен, но вернулся в строй, и наконец после ранения на Курской дуге. Далее медсанбат, госпиталь, излечение и направление на службу по месту жительства в Ульяновское танковое училище.

Ему было 60. Он служил у нас воспитателем в интернате.

Особенно в нём подкупало то, что он был выпускником нашей гимназии, кажется, 1908 года. Всегда носил гимнастёрку с белоснежным подворотничком, но без петлиц, был подпоясан широким офицерским ремнём, но без звезды на пряжке и без портупей. Из нагрудных карманов торчали две авторучки, карандаш и потрёпанный блокнот. Ходил только в галифе и в хромовых сапогах. Не носил даже орденские ленточки и нашивки за ранения. И был он болезненно худощав. Его дворянское происхождение в облике, манерах и особенно в речи не вызывало ни у кого

сомнений, но от разговоров на эту тему Николай Алексеевич, хмурясь, уходил. Как много я узнал от него захватывающего интересного о нашей армии, об офицерском этикете, о войне.

О ней вспоминали часто длинными зимними вечерами, и он, бывало, сетовал: «Пока, что там говорить, войну в кино нам показывают совсем не такой, какой она была». «А какой была?» — сгорая от нетерпения, старались мы выяснить. — «Когда-нибудь об этом напишут и покажут в кино. Я видел много кинооператоров. Они снимали всё... И как погибали бойцы, и как рушились дома, и как горела земля, и как перед строем идущих завтра в наступление расстреливали предателей, трусов и паникёров». Сжимаясь от ужаса, мы всё же спрашивали: «А как расстреливали?» Пшеничников холодно пояснял: «В упор метров с двух из автомата длинной очередью в грудь. Шинель мгновенно покрывалась кучей чёрных точек. И всё». Помню от него и другие подробности, но хватит. Как-нибудь в следующий раз.

Другой мой педагог, **Михаил Петрович Черненко**, кавалер ордена Красной Звезды и медалей, которые он никогда не надевал, блестящий знаток и толкователь мировой и русской литературы. Несколько раз приглашал на чаёк домой. Его жена угощала меня вкуснейшим доморощенным пирожным: белым калачом с маслом и мёдом сверху. Сразу взгрустнулось. Нет сейчас таких, как тогда, вкусных калачей, такого настоящего сливочного масла. Слава богу, хоть мёд и пчёлы не изменились к худшему.

Пытался меня Михаил Петрович убедить, чтобы я прямо со школьной скамьи подался учиться на филолога или журналиста: ему нравились мои классные сочинения и стихи. Я возражал. Мечтал осуществить сталинское преобразование природы Родины. Но повезло. На совести только преобразование природы Таджикистана (Нурекская ГЭС на реке Вахше с плотиной в 320 метров высотой), Египта (Асуанская плотина на реке Ниле 110 метров высотой), Сирии (Евфратская

ГЭС с плотиной 70 метров высотой). Эти плотины создали огромные водохранилища-моря, хорошо видимые из космоса.

Но вернёмся в мою школу в далёкие пятидесятые годы.

Михаил Петрович знал наизусть множество стихов и текстов в прозе, чем любил шегольнуть на уроке. Он не был трибуном или артистом и читал стихи монотонно, глуховатым голосом, с каменным лицом, без малейшей гримасы. Мы всё ждали, что он забудет текст или собьётся, но так и не дождалось. В 10-м классе были домашние задания выучить наизусть, например, «Песню о Буревестнике» или большой отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Если бы выставили в музее плачущего большевика, // Весь день бы в музее торчали ротозеи. // Ещё бы, такого не увидишь и в века!» У многих из нас не получалось. Но был он не жесток инисходителен к нерадивым или неспособным. Зато щедро дарил своё время успевающим и желавшим поступить в вузы. Видел я: много он работал в неуточное время с Мишей Бейзеровым, выходцем из Польши, у которого были нелады с русским языком. Миша (Моисей) получил серебряную медаль и поступил, помнится, в Ленинградский университет.

Учитель физики, кавалер трёх орденов (один из них орден Ленина) и двух медалей **Михаил Иванович Ходаков** — выпускник Казанского университета — больше всего поражал меня колоссальной осведомлённостью о происходящих в физике сенсационных открытиях. Он подробно (это в 1950 году!) рассказал нам, как устроена хиросимская бомба, что такое цепная реакция и дефект массы, чем уран-235 отличается от урана-238, что такое лучевая болезнь. Узнали мы об открытии ещё в 1940 году нашими учёными Флёровым и Петржаком явления спонтанного деления ядер урана с выходом чудовищной энергии. Он сказал нам нечто загадочное о теории относительности. Ничего этого ещё не было в учебниках физики. Очень интересно он рассказывал о немецких ракетах ФАУ-1 и ФАУ-2, падавших

на Лондон. Спустя годы я узнал, что он, как физик, был в группе учёных и разведчиков в Германии, занимавшейся этим по горячим следам. Что касается его осведомлённости об атомной бомбе, то ларчик просто открывался. Ещё в 1948 году в Конгресс США был представлен секретный доклад генерала Гровса о том, на что его команда во главе с Робертом Оппенгеймером потратила колоссальные средства американских налогоплательщиков с 1941-го по 1946 год. Но в Конгрессе секреты держатся недолго. Доклад быстро попал в СССР, был размножен в ЦК и с грифом «Для служебного пользования» разослан в обкомы ВКП (б). Суть этого интереснейшего материала там никто не мог понять. Пригласили физиков из пединститута и нашего Ходакова. Они-то и разъяснили партийным бонзам, почему один килограмм урана в десятки тысяч раз эффективнее килограмма тротила.

Михаил Иванович был очень замкнутым человеком. Во всяком случае, в бане его никогда не видели и никто из учеников домой к нему не захаживал.

Смело могу сказать, что школа оказалась для меня важнее, чем институт. И это, конечно, благодаря моим выдающимся учителям. Там я усвоил от них аксиому, что учиться нужно всю жизнь. Что всё познаваемо. Что терпение и труд — всё перетрут. Что дисциплина и воля творят чудеса. Что нужно беречь здоровье и закаляться. Быть честным, справедливым и совестливым. Быть патриотом Родины и ещё многое-многое другое...

Когда я был в 5-м или в 7-м классе, мы спрашивали вернувшихся с фронта учителей, как они воевали: сколько раз ходили в штыковую атаку, сколько лично убили фашистов. Я не помню, чтобы кто-нибудь похвастался, как он шёл в штыковую или наверняка от его пули погиб немец. Обычно говорили: после мощной артиллерийской подготовки мы шли за танками, вели беспорядочную стрельбу и занимали уже опустевшие немецкие окопы и блиндажи. Если же фашисты шли на нас и если артиллерия не могла остановить их танки и они прорывались через наши окопы, мы разбегались в разные стороны и кто как мог уходили в тыл...

Конечно, рассказывали, каким было торжество победителей, когда они громили фашистов на их земле, в их городах и сёлах. Узнавали мы от них, как некоторые солдаты и офицеры мстили за убитых матерей, жён и детей и как командование порой очень жестоко подавляло эти вспышки мести. Подробно рассказывали, как унижался перед ними враг — население Германии и её поверженных союзников.

А можно ли позабыть слёзы моих учителей-воинов о погибших в мае 1945 года однополчанах?

Запомнилось крепко, что испытания войны не ожесточили сердца и души моих учителей. Все они были добры и желали нам, казалось, лишь одного: чтобы по нашим судьбам больше никогда не прошла война, чтобы мы получили профессии, обзавелись семьями и всю жизнь прожили в мире и благополучии. **НО**